
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Н.И. Киященко

DOI: 10.7256/2070-8955.2014.1.10397

ФЕНОМЕН НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ

Аннотация. Предмет исследования — рассмотрение нечеловеческого в человеке. Данная проблема имеет несколько аспектов. Во-первых, она связана с религиозной тематикой. В сакральной литературе человек рассматривается как греховное создание, впавшее в первородный грех. Во-вторых, тема нечеловеческого сопряжена с моральным аспектом. Здесь она трактуется как человеческая подверженность злу. В-третьих, нечеловеческое в человеке связано с постепенным разочарованием в нём как в божьей твари, получившим освещение в средневековой литературе. Это вызвало особый феномен, который Н.А. Бердяев назвал «умалением человека». Новый этап в раскрытии этой темы можно связать с психоаналитическими традициями. Психоанализ раскрывает феноменологию бессознательного, природу инстинктов, ведущих к агрессии и разрушительству. Фромм пишет специальную книгу «Анатомия человеческой деструктивности». Наконец, нечеловеческое становится сюжетом современной трансгуманистической философии. Речь идет о том, чтобы внедрить в человека нечто, позволяющее исправить человеческую природу, создать нового человека.

Автор опирается на столь значимую методологию, как герменевтический и психоаналитический анализ текстов, позволяющий в данном случае раскрыть разные аспекты нечеловеческого.

Новизна статьи в постановке самой темы, которая в отечественной литературе не была предметом самостоятельного анализа. Автор делает попытку проследить историко-философскую традицию, которая связана с этой проблемой. Накоплены многочисленные интуиции о том, какое место занимает в потомке Адама то, что не соответствует его изначальной природе. Однако данная тема не рассматривалась в целостном историко-философском ракурсе. Прослеживая осмысление этой проблемы от древности до наших дней, мы видим, что она актуализирует самые неожиданные ходы исследовательской мысли. Особенно злободневно звучат в этой теме сюжеты духовности человека как особого рода сущего. Человеческое не может раскрыть себя, если оно не связано с нечеловеческим.

Ключевые слова: человек, нечеловеческое, зло, деструктивность, человеческое бытие, бездуховность, жестокость, биофилия, некрофилия, насилие.

Злая природа человека

Когда в истории философской мысли возникла мысль о том, что в человеке можно обнаружить нечто нечеловеческое, не свойственное ему по определению, не связанное с его предназначением? При всей простоте этого вопроса ответ на него не столь прозрачен. С одной стороны, очевидно, что эта идея восходит к далеким временам. Однако в древней китайской философии трудно отыскать истоки этих представлений. Если мы обратимся, например, к конфуцианству, то обнаружим, что само воззрение о нечеловеческом в человеке глубоко чуждо ему.

Конфуцианская философия, с ее сильным акцентом на холистическую целостность и единство человеческой личности, концентрированность на человеческой природе как средстве осуществления высшей ценности в мире, является, несомненно, внутренне гуманистической и резко противостоит идее раздвоенности человеческого бытия. Китайская философия утверждала, что человек может достичь состояния совершенства, которое не только удовлетворит его потребности как человеческой личности, но поможет реализовать некие универсальные ценности. Именно этот взгляд ведет ко все более творческому переосмыслению конечных стремлений и судьбы человека. Отсюда

Статья написана при поддержке РФНФ, грант № 12-03-00574а «Духовность как проблема современной культуры».

исходят последующие усилия понять внутреннюю динамику человеческого существования и внешнюю форму его деятельности и интенциональности в свете этого взгляда.

Но и европейская философия в своем желании раскрыть смысл и предназначение человека выработала восторженный взгляд на человека как особый род сущего, как создание, которое по своим возможностям и присущим качествам намного превосходит другие природные твари. Человек обладает разумом, воображением, имеет превосходные социальные качества, является к тому же образом и подобием Божиим. Наконец, крайне важно, что он находится в неустанном процессе становления. Откуда взяться в нем нечеловеческому? Можно, вероятно, рассчитывать лишь на то, что он станет еще более совершенным.

В то же время в истории человеческой мысли постоянно возникают догадки о несовершенстве человеческой природы. Но одно дело пороки или врожденные слабости, а другое — когда речь идет о наличии в нем неких черт, вообще не совместимых с человеком, иначе говоря, о нечеловеческом. Что же можно причислить в человеческой природе не только к ее негативным сторонам, но и к тому, что выходит за пределы человеческой сущности? Идет ли речь о перерождении человека, о его тяжелом животном наследии или о возможном радикальном изменении человеческого естества?

Уже в древности мыслители обращали внимание и на злобность, бездуховность человека. Китайский философ Сень-цзы писал: «Человек имеет злую природу... Человек от рождения проникнут ненавистью. Если следуют этому свойству человеческой природы, то у людей появляется желание причинить друг другу зло и уже не приходится говорить о доверии и преданности. От рождения уши и глаза обладают жадностью к наслаждению: уши любят приятные звуки, глаза любят красивые, хорошо сочетающиеся цвета. Если следуют этой стороне природы человека, то появляется развращенность и уже не придется говорить о правилах ли, справедливости и долге»¹.

Что же в итоге этих рассуждений? А вывод таков: человек имеет злую природу. Но разве здесь говорится о нечеловеческом в человеке? Нет, такого критерия нет и в помине. Человек пока сопоставляется с самим собой и обнаруживает себя

как злое создание. Что делать — он таков... Однако при этом возникает мысль, что человек отнюдь не обречен на это извечно. Он может изменить себя. Здесь, пожалуй, и возникает возможность сопоставления человеческого (то есть наличного) и нечеловеческого (то есть того, что может преобразиться). Нечеловеческое — это то, что способно утратиться... Так обосновывается идея открытости человеческой природы. «Человеческая природа, — отмечает китайский философ Мэн-цзы, — подобна стремительному потоку: пустите его на восток — потечет на восток, пустите на запад — потечет на запад. Ей безразличны добро и зло, как воде безразличны восток или запад»².

Но чаще всего, указание на недостатки человека не предполагают, что ему надлежит преодолеть собственную природу. Говорится лишь о том, что отдельные представители человеческого рода не соответствуют идеалу человеческого, не поднимаются до этого совершенства. Порой возникает даже разочарование в адамовом потомке. Но о нечеловеческом в нем пока ничего не говорится.

С появлением христианства ситуация меняется. Оказывается, человек совершил первородный грех и отступил от собственной природы. В этом случае человеческое — это то, что утрачено, осталось как воспоминание о райской жизни. А нечеловеческое — это то, что получилось в результате этого переломного события. Теперь речь идет о греховности людской природы. Оказывается, тело отреклось от высшего предназначения. Но можно ли восстановить то, отчего отреклось перволюди? Христианство рассматривает человека как образ и подобие Божье. Несовершенство человеческой природы вызвано грехопадением, а вовсе не замыслом Божьего творения. Это, пожалуй, и есть первый проблеск самой идеи — человеческого и нечеловеческого.

Но по-настоящему идея такого противопоставления, судя по всему, оформилась в средневековом сознании. Э. Фромм обратил внимание на сущность религиозной формы любви. Психологически она ничем не отличается от других форм любви, зафиксированных в античной культуре. Но в этой форме любовных переживаний есть нечто, что определяет ее особенность. В ней проступает духовность. Это присуще даже мистическим учениям, где идея Бог не просматривается. Однако утверждается мысль о том, что истинная человечность не может существовать без духовных пере-

¹ Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1991. С. 27.

² Там же. С. 26.

живаний. В религиозной форме любви есть пафос истинного возрождения.

Однако именно здесь и подстерегает нас нечеловеческое. Знойная любовная страсть легко становится поживой Сатаны. В средневековом сознании укореняется мысль о том, что именно любовная страсть используется демоническими силами. Мейстер Экхарт пишет: «Таким образом, любовь не только сильна, как телесная смерть, она гораздо сильнее адской смерти, которая не может помочь осужденным, как та любовная смерть, что одна действительно убивает жизнь желания и своекорыстия. И происходит это на трех ступенях. На первой разлучает эта смерть, то есть любовь, человека с преходящим, с друзьями, имуществом и почестями, и всеми творениями, так что ничем она больше не владеет и не пользуется ради себя, и предумышленно не двинет ни одним членом по собственной воле и ради собственной пользы. Раз это достигнуто, душа тотчас начинает искать благ духовных и обращается к ним, к молитве, благоговению, добродетели, восхищению, к Богу. О них научается она радеть и ими научается наслаждаться с упоением, оно же выше всех наслаждений, которыми утешалась она раньше. Ибо эти духовные блага, по самой природе своей, более свойственны ей, нежели блага вещественные»³.

Итак, истинная человечность — в любви. Но обычного человека здесь подстерегают дьявольские наущения. Нечеловеческое преследует людей в виде сатанинских искушений, они не позволяют одухотворить страсть, погасить порывы чувственности. Половое соединение знаменуют не духовное слияние, а мимолетность, тленность.

Разочарование в человеке

Кант усомнился в том, что человеческая природа обладает несомненными благородными качествами. Он пришел к убеждению, что она вообще имеет врожденные пороки. В человеке, по его мнению, живет корыстолюбивая животная склонность. Индивид нуждается в господине. Но найти такого носителя благородных человеческих качеств невозможно. Ведь господином может оказаться такое же животное. Кант разочарован: «... из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя

сделать ничего прямого»⁴. Кант обдумывает мысль о том, что зло играет конструктивную роль в истории. Однако надежда на превозможение зла в человеке не оставляет немецкого философа⁵.

Но в XIX в. Ницше разделяется с этой иллюзией. Человеческое больше не увлекает философа. Он заявляет, что сила моральных предрассудков глубоко внедрилась в умственный мир человека. Все рецепты против страстей убоги. Ницше констатирует вырождение и измельчание человека. Он пишет: «В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть ... глина, грязь, бессмыслица, хаос; но есть и творец, ваятель ... понимаете ли вы это противоречие?»⁶.

Вместе с этими утверждениями возникает еще один аспект нечеловеческого. Мыслители толкуют о том, что нечеловеческое многообразно, но его разновидности требуют различения. К примеру, демонизм порождается человеческими страстями. Иначе обстоит дело с сатанизмом. Он олицетворяет духовную бездну. Демонический человек еще не утрачен полностью. У него есть шанс покаяться, вернуться к человеческому. Страшнее, конечно, демония. Нечеловеческое проступило в таких обнаружениях человеческого сознания, как сомнение, отрицание, горечь, нигилизм. Люди обнаружили тягу к жестокости, сладострастию, цинизму. В человеке обнаружился зверь, варвар. Ненависть становится неисцелимой.

В XX в. человечество усмотрело нечеловеческое в нарастающей агрессивности людей. Термин «агрессивность» имеет несколько значений. Агрессивностью называют защитную реакцию человека на угрозу его жизни, и одновременно к агрессивности относят поведение грабителя, убивающего свою жертву. Однако эти формы поведения существенно отличаются друг от друга. Под термином «агрессивность», судя по всему, следует понимать поведение, которое является реакцией на угрозу жизненным интересам. В этом смысле можно говорить о «защитной агрессивности». Под термином же «деструктивность» следует понимать специфически человеческую склонность к разрушению — «злокачественную агрессию».

С начала 60-х годов минувшего столетия появились многочисленные исследования челове-

³ Мейстер Экхарт. Сильна как смерть // Эрос. Антология. Философские маргиналии проф. П.С. Гуревича. М., 2012. С. 40.

⁴ Кант И. Собр. соч. в 8-и т. Т. 8. М., 1994. С. 19.

⁵ Кант И. Собр. соч. в 8-и т. Т. 1. М., 1994. С. 246–247.

⁶ Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 240.

ческой агрессивности, имевшие большой успех у широкой публики (К. Лоренца, Д. Морриса и др.). Эти авторы отстаивали тезис человеческая агрессивность, проявляющаяся в войне, преступности и других формах деструктивного поведения имеет своим основанием инстинкт, и эта инстинктивная потребность в агрессии лишь ожидает случая, чтобы проявиться.

«Война в античности осмысливается как непреложный закон космоса, — пишет А.А. Писаренков, — иерофания, условие успешного существования и развития государства, установление справедливости, способ достижения величия и славы, поэтому милитаризм в античности является основой идеального, высшего порядка... Именно в войне ее хаотическая непредсказуемая стихия преодолевается разумом — логосом, который искусственно направляет разрушительную силу войны на нее саму, тем самым рождая упорядоченный и потому логически постигаемый мир»⁷.

Неоинстинктивистская концепция К. Лоренца стала популярна не потому, что хорошо аргументирована, а потому что аудитория была готова принять именно такую позицию, Для людей, которые ощущают страх и бессилие перед волной агрессивности, охватившей современный западный мир, теория, которая соотносит агрессивность с животной природой человека, кажется весьма подходящей. Концепция врожденной агрессивности стала идеологией, так как она способствовала рациональному преодолению чувства беспомощности.

Первый вид агрессивности — общий и для животных, и для людей (агрессивность как реакция на угрозу жизненным интересам) — является необходимым фактором выживания индивида и вида, биологической адаптивной реакцией. Другой вид — «злокачественная агрессивность» (или деструктивность) — черта специфически человеческая, и не встречается в животном мире. Она не является биологически адаптивной, не направлена на удовлетворение животных потребностей.

Инстинктивистские теории агрессивности сводят оба типа агрессивности поведения к врожденным импульсам. Одной из таких теорий является концепция З. Фрейда, которая выделяет два инстинкта — жизни и смерти (Эроса и Танатоса). Ту

же ошибку допускает и К. Лоренц. Всякая агрессивность, по Лоренцу, коренится в человеческой природе. Агрессивность оказывается не столько реакцией на внешнюю опасность, сколько внутренней потребностью индивида. В доказательство Лоренц приводит многочисленные примеры, касающиеся в основном поведения животных, и допускает еще одну грубую методологическую ошибку, отождествляя инстинктивное поведение животных с поведением людей. Превращая агрессивность в один из факторов эволюции человека, Лоренц фактически оправдывает различные формы агрессивного поведения. Социальный и моральный детерминизм, проповедуемый Лоренцем, затемняет правильное понимание биологических, психологических и социальных факторов, влияющих на агрессивное поведение человека.

Бихевиористы наоборот связывают все обнаружения агрессивности с реакцией на внешние воздействия и совершенно не учитывают определенной структуры характера субъекта. Вследствие этого не удастся дать адекватное определение феномена нечеловеческого в человеке. Совершенно одинаково внешние обстоятельства могут породить различные типы реакций в зависимости от того садистски или мазохистски ориентирован субъект.

Психоаналитический диагноз

Э. Фромм, как известно, приводит значительный нейропсихологический и палеонтологический материал, а также данные психологии животных, которые опровергают тезисы как инстинктивизма, так и бихевиоризма. Например, известно, что как человек, так и животные реагируют на угрозу жизни бегством или борьбой, но нет никаких нейропсихологических данных, которые бы давали возможность предположить, что агрессивность более естественная реакция, чем бегство.

На наш взгляд, агрессивное поведение хищных животных не может быть аналогией человеческой деструктивности, так как такое поведение хищников имеет определенную цель и агрессивность прекращается, как только цель достигнута. Нейропсихологически можно обосновать только один вид агрессивности — жизнезащитную, биологически адаптивную агрессивность. Другой вид агрессивности — специфически человеческая способность убивать ради убийства — не имеет ничего общего с инстинктом самосохранения.

⁷ Писаренков А.А. Апология войны в истории западноевропейской мысли (от античности до немецкой классической философии). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.филос.н. Краснодар, 2005. С. 16.

Рассматривая формы «злокачественной агрессии» — садизм и деструктивность, которые не имеют аналогов в животном мире, важно выявить те специфические черты человеческой сущности, которые порождают нечеловеческое в человеке. Таковы, как можно полагать, экзистенциальные потребности и структура характера. Можно ли полагать, что жестокость и деструктивность могут быть вызваны внешними обстоятельствами. Например, войны мобилизуют этот вид деструктивности в значительных масштабах. Видами спонтанной деструктивности можно считать жажду мести или «мстительную деструктивность», экстатическую деструктивность, которая встречается в различных обрядовых и ритуальных действиях. Один из видов деструктивного поведения — садизм — то есть желание власти над живыми существами. Прекрасный пример садистской личности дан в пьесе А. Камю «Калигула». Вся полнота власти, данная Калигуле судьбой, не удовлетворяет его, а он хочет невозможного «Я хочу луну», — говорит он в пьесе А. Камю⁸.

Садизм — один из ответов на проблему человеческого существования. Испытывая ощущение абсолютной власти над другим живым существом, садист преодолевает чувство бессилия. Садизм становится выходом для тех, кто в повседневной жизни лишен удовольствий и творческой продуктивности. Садист рассматривает живые существа как вещи, как возможные живые объекты управления. Для садиста важно, чтобы в этих вещах присутствовала жизнь, так как он желает именно абсолютной власти над жизнью. Поскольку садизм является компенсацией бессилия, он тесно связан с мазохизмом, страстью подчинения.

В психоанализе рассматривается и другой вид феномена нечеловеческого — некрофилия. Гуманистическая психология расширяет рамки традиционного понимания этой патологии, так как обычно под ней понимается маниакальное влечение к трупам. Психоанализ предлагает обозначить этим термином довольно широкую область сознательных и бессознательных тенденций индивида, общее направление его ориентации на все мертвое, безжизненное, любовь к смерти в самом широком смысле как определяющую черту характера.

⁸ Камю А. Калигула // Камю А. Миф о Сизифе. Калигула. Недоразумение / пер. с фр. М., 2010. 317 с.

Обнаружением некрофилии может быть интерес к сообщениям о катастрофах, смертях и подобного рода событиях. Некрофил в группе обычно наводит тоску и скуку. Ориентации некрофила реакционны или консервативны, для него прошлое более реально, чем будущее, субъект-объектные отношения перевернуты, ему кажется, что не люди должны управлять вещами, а вещи людьми, что «иметь» более ценно, чем «быть», «что мертвое управляет живым». Таким образом, некрофилия, даже если она не обнаруживается в поведении достаточно явным образом как агрессивность, выражается в речи, в социально-политической консервативной и реакционной ориентации, даже в предпочтении черного и коричневого цветов ярким и светлым.

Приверженность современного человека к автомобилям, бытовой аппаратуре, техническим игрушкам — это опасная ориентация, связанная с некрофилией. Живя в мире техники, человек сам становится элементом технической системы и как элемент машины, он уже не обладает чувством ответственности за последствия своих действий. Пилот, уничтоживший город, всего лишь тот, кто нажал кнопку, или и тот, кто участвует в акте производства, он полностью отчужден от результатов своей деятельности. Характерно, что уничтожение людей в нацистских лагерях было организовано так же, как и современное производство. Жертвы методично и эффективно «проходили обработку», палачи не видели их агонии, сознательно они лишь участвовали в осуществлении политической и экономической программы фюрера.

В связи с этим возникает вопрос: если человек превращается в современном обществе в автомат и придаток автомата, то стоит ли ему приписывать некрофилию, быть может он вообще лишен всяких ориентаций? Однако Э. Фромм показывает, что человек не может не знать и не видеть, за исключением редких случаев, какой эффект имеют его автоматически исполняемые действия, именно некрофилические черты характера делают это знание неосознаваемым.

Несмотря на то, что некрофилические тенденции современного мира слишком очевидны, Фромм всё же далёк от пессимизма. Сопоставляя свою концепцию двух основных типов характеров с фрейдовской концепцией инстинктов жизни и смерти, Фромм указывает, что оба противоположных инстинкта Фрейда равноправны, оба биологически заданы. Фромм же считает, что биологи-

ческая ориентация тождественна с психической нормой и психическим здоровьем, что только она служит целям биологической адаптации, некрофилия же является психопатологическим феноменом, психическим уродством. «Человек по своей биологической природе наделен лишь способностью любить жизнь (биофилией), но психологически он способен и к противоположной ориентации — некрофилии»⁹.

Некрофилия и биофилия «в чистом виде» встречается редко, в большинстве случаев в характере переплетаются признаки обоих типов. Но в каждом конкретном случае можно выявить, можно ли считать индивида биофилом или некрофилом. Свой трактат о деструктивности Фромм заканчивает словами: «Ситуация, в которой человечество находится сегодня, слишком опасна, чтобы прислушиваться к демагогам, особенно ориентированным деструктивно, но также и к тем, кто ориентируется только на разум и забывает о сердце. Критическая и радикальная мысль может принести плоды только в том случае, если она будет связана с подлинным человеческим качеством — любовью к жизни»¹⁰.

Насилие и роботизация

В XXI в. нечеловеческое анализируется через феномен насилия и ненависти. В связи с этим немалую популярность приобрели работы французского литературоведа Рене Жирара. Он стремится раскрыть особую природу культурных феноменов, которые отражают нечеловеческое в человеке. Жирар обращается к греческим трагедиям, Ветхому завету, африканским обрядам, мифам первобытным народов, чтобы проанализировать парадокс, связанный с жертвоприношением. Какие секреты демонстрирует этот феномен? Дело в том, что жертвоприношение обычно трактуется как святое дело, но его можно истолковать и как преступление. Само убийство жертвы преступно. Но она не станет священной, если ее не убить.

Здесь намечается переход от феноменологии агрессии к толкованию насилия как неотъемлемого признака человека. Любой акт насилия можно представить как святое дело, как своего рода

жертвоприношение. Как просыпается жажда принуждения? Если рассматривать физиологические основы насилия, то они мало чем отличаются во всех вариантах культуры. Разумеется, при этом преобразуется физиология, можно толковать о том, как меняется психофизика насильника. Однако одной физиологией мало что можно объяснить. Насилие невозможно понять как простой рефлекс. В нем есть и психологическая составная. Она подсказывает, что пробуждение насилия включает какой-то пока плохо разгаданный механизм. Поток насилия трудно, а подчас и невозможно остановить. Угроза заключается в том, что здесь начинает действовать особая логика. В частности, нереализованное насилие, неутоленная жажда мести ищет заместительную жертву. Как показано в басне И.А. Крылова «Волк и ягненок», насилие всегда может приискать необходимые мотивы. Ярость может проецироваться на другого человека. Даже в животном мире можно найти аналогичные примеры. Самцы — представители определенного вида рыб контролируют территорию и прогоняют других самцов. Но если устранить этих противников, их боевой норв будет направлен на собственную семью, которую они уничтожат.

Французский исследователь Жозеф де Местр в «Рассуждении о жертвоприношениях» отмечает, что в животных, которые определены к жертве, всегда имеются какие-то неуловимые человеческие черты. Похоже, что в данном случае жертва замещает человека, поэтому жертвенные животные по инстинктам и привычкам похожи на человека. Действительно, кажется, будто кто-то невинный расплачивается за виновного. Слепая жестокость, абсурдность ритуала подсказывают, что вроде бы следует обмануть кого-то.

Сложная диалектика человеческого и нечеловеческого в данном случае наталкивает на мысль, что человеческое не самодостаточно. Оно нуждается в прикрытии, в своеобразном заслоне, который позволяет оправдывать злокозненные черты человеческой природы.

Новую страницу в постижении нечеловеческого в человеке открыл трансгуманизм. Его адепты впитали в свою концепцию вековые представления о недоброкачественной природе человека. Разве человек совершенен? Даже его биологическая природа неполноценна. Человек вырвался из природы, но остался ее заложником. Его инстинкты ослаблены. Даже мозг, это загадочное изобре-

⁹ Fromm E. The anatomy of human destructiveness. N.Y., 1973. P. 366.

¹⁰ Ibid. P. 438.

тение эволюции имеет врожденные изъяны. Прежде всего, он разделен на два полушария, которые не находятся друг с другом в состоянии гармонии. Мысль и эмоция противостоят сами себе, предлагая разное видение окружающей действительности и несогласованные картины мира. Мозг к тому же не помогает программам, которые содержат отрицание. Известный пример представителей нейролингвистического программирования: стоит послать команду «не думайте о розовой обезьяне», как ее образ встает в сознании. Мозг нуждается в поддержке, в постоянной инспирации положительных команд.

Человек как любое земное создание болеет и в конечном счете умирает. Древние мистики не хотели мириться с этим природным фактом. Они мечтали о том, чтобы усовершенствовать человека, освободить его от неизбежных приговоров. И вот трансперсоналисты, наконец, придумали, как этого добиться. Нечеловеческое в человеке можно устранить с помощью современных технологий. Эти проекты завладели сознанием многих ученых и философов. С огромным воодушевлением приветствуют последствия геномных проектов. Проникнув в эту генную цепочку, можно, оказывается, освободить людей от заболеваний путем исправления природных ошибок. Можно, судя по всему, подкорректировать и мозг.

Список литературы:

1. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.
2. Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение // Фокин С.И. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб., 2002.
3. Батай Ж. Жертвоприношения // Locus Solus. Антология литературного авангарда в переводах В. Лапицкого. СПб., 2000.
4. Батай Ж. Из «Слѣз Эроса»// Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
5. Батай Ж. Ненависть к поэзии. М., 1999.
6. Батай Ж. О Ницше. М., 2010.
7. Гуревич П.С. Психоанализ личности. М., 2011.
8. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000.
9. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
10. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
11. Ранк О. Миф о рождении героя. М., 1995.
12. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1991.
13. Эрос. Антология. Философские маргиналии проф. П.С. Гуревича. М., 2012.

Так рождаются проекты радикального преобразования человека¹¹.

Однако философская мысль столкнулась с парадоксом: проекты устранения нечеловеческого в человеке обернулись изживанием того, что издавна считалось человеческим. Исправляя изъяны человеческой природы, трансгуманисты на самом деле «изъяли» самого человека. Многие исследователи ставят вопросы: не настало ли время остановить опасные программы, ориентированные на полное уничтожение человека как антропологической данности?

Таким образом, тема соотношения человеческого и нечеловеческого проходит через всю историю философии. Накоплены многочисленные интуиции о том, какое место занимает в потомке Адама то, что не соответствует его изначальной природе. Однако данная тема не рассматривалась в целостном историко-философском ракурсе. Прослеживая осмысление этой проблемы от древности до наших дней, мы видим, что она актуализирует самые неожиданные ходы исследовательской мысли. Особенно злободневно звучат в этой теме сюжеты духовности человека как особого рода сущего. Человеческое не может раскрыть себя, если оно не связано с нечеловеческим. Однако тема требует особой осторожности, поскольку содержит в себе очевидные угрозы.

¹¹ Более подробно об этом: Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012. С. 392–430.

References (transliteration):

1. Batai Zh. Vnutrennii opyt. SPb., 1997.
2. Batai Zh. Gegel', smert' i zhertvoprinoshenie // Fokin C.Jl. Filosof-vne-sebya. Zhorzh Batai. SPb., 2002.
3. Batai Zh. Zhertvoprinosheniya // Locus Solus. Antologiya literaturnogo avangarda v perevodakh V. Lapitskogo. SPb., 2000.
4. Batai Zh. Iz «Slez Erosa»// Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka. SPb., 1994.
5. Batai Zh. Nenavist' k poezii. M., 1999.
6. Batai Zh. O Nitsche. M., 2010.
7. Gurevich P.S. Psikhoanaliz lichnosti. M., 2011.
8. Zhirar R. Nasilie i svyashchennoe. M., 2000.
9. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. M., 1990.
10. Lorents K. Oborotnaya storona zerkala. M., 1998.
11. Rank O. Mif o rozhdanii geroya. M., 1995.
12. Chelovek. Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii / Sost. P.S. Gurevich. M., 1991.
13. Eros. Antologiya. Filosofskie marginalii prof. P.S. Gurevicha. M., 2012.